

Людмила Лазебная

**КАВАЛЕРГАРДЪ.
ДОБЛЕСТНЫЕ
ПРЕОБРАЖЕНЦЫ**

Людмила Лазебная

**КАВАЛЕРГАРДЪ. ДОБЛЕСТНЫЕ
ПРЕОБРАЖЕНЦЫ**

«Автор»

2026

Лазебная Л. С.

КАВАЛЕРГАРДЪ. ДОБЛЕСТНЫЕ ПРЕОБРАЖЕНЦЫ /
Л. С. Лазебная — «Автор», 2026

Трудные для Российской империи годы после Петра I стали «эпохой дворцовых переворотов», потому как в Российском государстве началась промеж бояр и дворян ещё пущая борьба за власть, а в войсках Русской армии приключилась полная неразбериха. Без твёрдой хозяйской руки императора казнокрадство и взяточничество чиновников разрослись в государстве, как чертополох. Большинство казачьих полков, стрелки и другие регулярные армейские части России, включая Дмитровский крепостной гарнизон, бедствовали от многомесячной задержки жалования солдатам и офицерам и плохого обеспечения продовольствием и боеприпасом.

© Лазебная Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	19
-----------------------------------	----

Людмила Лазебная

КАВАЛЕРГАРДЪ. ДОБЛЕСТНЫЕ ПРЕОБРАЖЕНЦЫ

Часть II

«СОЛДАТУШКИ, БРАВЫ РЕБЯТУШКИ»¹...

Глава первая

Доблестные преображенцы ...

*«Никто да не пренебрегает юностью твоею;
но будь образцом для верных в слове, в житии,
в любви, в духе, в вере, в чистоте».*

Стремительно пролетало время после скоропостижной и преждевременной смерти Петра Великого. Российские погосты то и дело пополнялись свежими могилами новопреставленных, в основном, из бывших ратников и ветеранов Армии-победительницы, призываемых Богом пополнить Небесное воинство вместе с Российским императором и служить ему Там, в Чертогах Творца, с той же верой и правдой, как и на Земле Русской.

Трудные для Российской империи годы после Петра I в недалёком будущем историки назовут «эпохой дворцовых переворотов», потому как в Российском государстве началась промеж бояр и дворян ещё пушая борьба за власть, а в войсках Русской армии приключилась полная неразбериха.

Без твёрдой хозяйской руки императора казнокрадство и взяточничество чиновников разрослись в государстве, как чертополох. Большинство казачьих полков, стрелки и другие регулярные армейские части России, включая Дмитровский крепостной гарнизон, бедствовали от многомесячной задержки жалования солдатам и офицерам и плохого обеспечения продовольствием и боеприпасом.

Лутосненские старики, передав свои знания и опыт сыновьям, с беспокойной душой один за другим уходили в свой последний путь – к праотцам. Поредело и взрослое мужское население Залесья.

Не стало могучего старика, кузнеца Луки Силыча. Нет уже и барина Василия Степановича Плещеева, нет в живых и его верного кучера Никифора Никаноровича, оба погибли в один день из-за несчастного случая в дороге.

А дело было так... Повёз в уездный город Дмитров молодой кучер Антип Никифорович Сурнов свою барыню, графиню Плещееву в новой карете. Обнов ей захотелось на ярмарке к празднику прикупить, да и подарков всем, кого из крепостных женщин и девушек она особенно привечала за мастерство и старание.

А тут и сам Василий Степанович надумал прокатиться на Субыч и Лутосню, свои рыбные промыслы проверить лично. Позвал по привычке деда Никифора. Тот честь по чести в свою любимую бричку с кожаным полукруглым верхом запряг пару молодых жеребцов. На обратной дороге оба по-стариковски за разговором-то и задремали от жары.

¹ Строчка из солдатской строевой песни, появившейся на Руси после введения Петром I 20 февраля 1705 года Высочайшего указа «О рекрутской повинности» в целях усиленного комплектования гвардии, армии и флота. При этом в Указе Петра Великого допускалась замена, то есть официальная возможность (даже для крепостных) отдавать вместо себя в рекруты купленных людей или добровольцев. Вначале рекрутская повинность была пожизненной, затем срок службы несколько раз менялся, начиная от 25, затем 20 лет. При Александре II был сокращён до 15 лет. Но сам Указ действовал в Русском Царстве и в Российской империи вплоть до 1874 года, когда в результате военной реформы слово «рекрут» было заменено на слово «новобранец», повинность стала называться «воинской».

Услышав волчий вой неподалёку, кони барские поднялись на дыбы, громко заржали и рванули, что есть силы. А кучер и вовсе вожжи из рук выронил... Так Никифора с бариним понесло в неровен час под откос на большой скорости. А бричка, хрясть, перевернулась на бок, три колёса крутятся, что есть силы, а одно отвалилось и катится по пыльной дороге...

Очнулся дед Сурнов на траве, голова в крови, ноги перебиты. Вдруг отчётливо услышал, как стонет барин под тяжестью, упавшей на него брички, пополз ему помогать. Из последних сил приподнял угол повозки, удерживая его левой рукой, а правой вытянул окровавленного помещика поближе к середине дороги. Так их обоих и нашли рядом лежащих, уже без дыхания...

Когда Евдокия со всеми сельчанами побежала на то место, где погибли барин с кучером, охнула от неожиданности, упав, как подкошенная, в дорожную пыль. Именно сюда, к старой берёзе, частенько ходила она на могилку к несчастному, не рожденному сыночку, вымаливая у него прощение за свой грех и зимой, и летом. Не в силах больше молчать, пришла она повиниться, покаяться и спросить у мудрой бабушки Лебёдки, почему такое случилось, что отдал граф богу душу как раз возле этой безымянной могилки их общего ребёночка, которому не судьба была увидеть белый свет?

Подумав и рассудив строго, Матрёна Васильевна Лебедева сказала:

– Тут удивляться нечему! Видать, косточки невинного дитяти притянули к себе заблудшую душу отца-прелюбодея. Не ты одна виновата в том грехе. Так оно испокон веку заведено, один мертвяк двух живых забирает... Себя же, Евдокия, судить нет нужды. Тут уже Бог сам рассудил, как Ему виднее. У тебя нынче дочки растут, за них думай. И за мальчонку молиться не забывай...

После такого трудного разговора у Евдокии Парамоновны на сердце чуть отлегло. И отчего-то даже возникло чувство радости и незримой поддержки Свыше. Недаром же на проповедях в сельской Свято-Троицкой церкви протоиерей отец Григорий наставлял паству:

– Если телу нашему нужны воздух, вода и пища, то душе человека нужна помощь Святого Духа. Без духовной пищи и молитвы душа страдает. Тяжкий груз или камень с души может снять только искреннее раскаяние. Так входит в нас Спас Вседержитель, с которым каждый верующий самым чудесным образом встречается и может напрямую мысленно поговорить внутри себя...

Теперь старейшиной на крестьянских сходах всё чаще выбирали местного купца Кондрата Скалкина. В Залесье у мельника и его верной супруги Евдокии подрастали на радость родителям две дочки, которых отец называл, не иначе как своими «кралечками», что на языке отставного вахмистра буквально означало «красавицы-королевишны». Имена дочерям Кондрат дал под стать. Старшую девочку-первенца назвал в честь правившей всероссийской императрицы Екатерины I Алексеевны. А младшей дал имя, как у цесаревны Елизаветы Петровны. Стало быть, Катя и Лиза были любимицами отца.

«Дорогой ваше благородие, Василий Никитич, видать, я за всю мою длинную солдатскую жизнь лишился среди мужеского общества пожил. Ей-бо! Душа нонче поёт соловьиную песню, – признавался в семейном счастье Кондрат Егорыч своему другу и бывшему командиру по Азовскому драгунскому полку Татищеву, который жил уже много лет здесь же в Дмитровском уезде, в родовом имении Болдино. – Завтра день больно трудный предстоит. Избрали меня сельчане рассудить честь по чести дело крестьянина из нашего Лутосненского стана, который, чтобы его сына в рекруты не забрали, топором самолично его покалечил, отрубив все пальцы на правой ноге. Сижусь, вот, и думаю, пока молодой бедолага мается в местной гошпитали, что же мне сказать людям на сходе? Это, конечно, тяжко родителю с дитём прощаться, как говорится, навек. Но, кто ж тогда будет Расею от супостатов защищать? Опять же

«Артикул воинский»² Батюшки-царя и императора нашего, самодержца Петра Ликсеича, упокой Господь его душу, велит каждому служивому человеку, приняв воинскую присягу, благопристойно радеть ей до конца дней. А те, кто станут нарушать прописанные правила, всё одно, что враги государства. Многому я научил деревенских мальчишек, в том числе говорил с ними и об обязанностях на армейской службе. Видать, упустил что-то! Нужно было и с их отцами говорить...» – отложив письмо в сторону, Кондрат поспешил встречать вызванных им из Дмитровых урядников, чтобы те прямо на сходе арестовали лиходея, по вине которого его старший сын теперь лил слезы в местной лечебнице...

«Слава Всевышнему и святым угодникам, что у меня дочки растут... Спаси, Христос! Опосля допишу Татищеву, чтобы было что добавить. Надо ж и людей послушать...» – резонно рассуждал лутосненский мельник Кондратий Скалкин. Впрочем, он заранее знал, что нынешнее отношение односельчан к рекрутам было, едва ли не как к скорым покойникам. А каждые проводы в армию фактически напоминали поминки, сопровождаясь громкими женскими воплями и причитаниями. Оба родителя прощались со своим чадом фактически навсегда.

Кондрат Егорович вздохнул, но уже с большим облегчением, вспомнив, что хорошо, что и в семье его лучшего друга – кузнеца Филиппа Лукича тоже дочка подрастает, пятилетняя Евангелинка. Всё родителям – утешение и радость на старости лет, когда сына в армию возьмут...

Подтянулась высоко к солнцу и заматерела молодая поросль, став лесом. Выросли и возмужали вчерашние мальчишки, воспитанники отставного вахмистра, превратившись в крепких и ловких юношей.

Приближалось время отправки из Залесья на военную службу новых новобранцев из числа самых крепких и рослых деревенских парней. Вот тогда-то, обеспокоившись судьбой единственного сына и его сотоварищей, которых любил, как родных, Мефодий Скалкин уговорил своего брата Кондратия сходить на серьёзный разговор к барыне Плещеевой и попросить графиню дать добровольное согласие на отправку в рекруты её крепостных, молодых залесских парней Тимофея Лебедева и Афанасия Сурнова.

Кондрат Егорович беседой с помещицей остался доволен. Катерина Ивановна, хоть и пребывала ещё в трауре по погибшему графу, сообщила ему о своей радости, что скоро в Лутосненское имение приедет её единственный сын, получивший, наконец-то отставку от армейской службы в Лейб-гвардии Семёновском пехотном полку с производством в чин генерал-майора, с соответствующей пенсией от государства.

Граф Владимир Васильевич Плещеев обстоятельным письмом уже предупредил свою пожилую матушку, что прибудет в Залесье вместе с невестой. От таких счастливых ожиданий Катерина Ивановна пребывала в прекрасном настроении и подписала нужные бумаги, что даёт добровольное открепление обоим крестьянам из своих крепостных, за которых просил Скалкин, пусть спокойно уходят в рекруты. Вспомнила она и о мечте Тимофея Лебедева отправиться на военную службу, и о своём обещании ему в том не препятствовать, несмотря, что пролетело без малого пять лет.

Теперь отставной вахмистр был намерен написать письмо жившему неподалеку Василию Никитичу Татищеву с прошением дать будущим рекрутам его личную рекомендацию на службу в Лейб-гвардии Преображенский полк.

Начав своё послание к бывшему командиру, Кондратий Скалкин описал именно то, что в последнее время его волновало более всего. Случаи уклонений от воинской службы участились. Но подобное зверство отца над сыном, что нынче приключилось в Лутосненском

² Воинский Устав Петра I, принятый 30 марта 1716 года в Данциге, состоял из 68 глав и нескольких приложений. Был переиздан в 1724 году и снабжен обширными комментариями Архиепископа Феофана Прокоповича, в частности, по истории Русской Армии. Такими же приложениями, но по истории флота Владыка дополнил и обновил Морской Устав.

стане, было явлением не частым. Закон, как закон, не бог весть какой, ничего сложного. После новой Петровой воинской реформы народ получил даже послабление. Утвержденный лимит: по одному рекруту со ста дворов, Кондрату Егоровичу суровым не казался. В его время в разгар Северной войны царь Пётр Алексеевич, создавая регулярную Русскую Армию и Флот против лучшей военной силы в Европе, под ружьё против шведов поставил более трёхсот тысяч человек. Это ж с каждого двадцатого двора по молодцу в возрасте от пятнадцати до двадцати лет! Считаю, что всеобщая мобилизация!

Нынче же решение, кого из лутосненских крепостных отправлять в солдаты, сельчане должны были принимать сообща, а потом только просить барыню о милостивой поддержке всеобщего мнения. Предпочтение отдавалось молодым людям, без жены и детей, чтобы не оставлять семьи без кормильцев. Понятное дело, что среди рекрутов не должно быть больных, калек, умственно отсталых. А вот в преображенцы, как известно, не всякого брали. Полк этот был избранным, гвардейским и славился солдатами высокого роста и особенной статью.

За сына своего Степана предприимчивый Мефодий заблаговременно внёс в уездную казну нужную сумму, как говорится, *«честно откупил единственного наследника от рекрутского набора и армейской службы»*. Денежный взнос давал возможность заменить одного человека на другого. О том нынче на сходе в Залесье между собой судачили мужики, однако решение братьев Скалкиных не осуждали...

И тут после ареста отца-изверга, вдруг чудесным образом на сходе появились добровольцы, чем подняли настроение многим. То были закадычные дружки Степки Скалкина – Афоня и Тимофей... За них-то и попросил в конце своего послания бывшему командиру Кондратий Егорович...

Совсем скоро, в самом начале лета от Татищева в Залесье пришло нужное письмо, оформленное, как положено, по Письмовнику³, аккуратно сложенное и запечатанное сургучом. Но прежде, чем отправить столь ответственный документ своему бывшему ординарцу, хорошо подумав, Василий Никитич решил «подстелить соломки» и согласовать текст Ходатайства с генералом Андреем Ивановичем Ушаковым, с которым был знаком с юности. Оба начинали свою военную карьеру с преображенцев. Так благополучно решился вопрос с отправкой товарищей племянника Кондрата на службу в известный, основанный Петром Великим, Лейб-гвардии Преображенский полк.

Теперь молодцам рекрутам-добровольцам Афанасию Сурнову и Тимофею Лебедеву, которым шёл двадцатый год от роду, следовало до Троицына дня явиться в подмосковное село Преображенское и передать сей важный документ с добровольным согласием помещицы Плещеевой строго в нужные руки.

Не мешкая ни дня, парни решили отправиться своим ходом по известному адресу...

По болотистой просеке из родного сельца Залесье Лутосненского стана, живописно раскинувшегося по берегам речки Лутосня и трём её притокам, по направлению к Москве уж который день пробирались двое рослых и крепких парней. Надоедливые мошка` да комарьё облипали путников с головы до ног... Бабы платки с прорезями для глаз, поначалу спасавшие их лица и шеи, изрядно истрепались за долгую дорогу и висели теперь на их заскорузлых суконных шапках мокрыми и грязными лохмотьями.

Жара и духота с пьянящим, сладковатым болотным духом окончательно утомили молодых, державших путь с раннего рассветного часа сквозь лесной бурелом и топкие болота к большаку. Пропитанные липким потом рубахи их покрылись густыми соляными разводами...

³ В начале XVIII века в России начали издаваться сборники образцов документов, называемые «письмовниками». Предшественниками «письмовников» были «формулярники», известные в Русском царстве с первой трети XVI столетия.

– Эй, Тимоха, можа, нам возля лесного озера аснавица, хоть бы на короткие дрёмы? Искупаться бы, освежиться водицей, да и постирать исподнее пора. Ноги не жалают боле итить. Слышь, чаво говорю? – опираясь на крепкую холудину и с усердием вытягивая из болотной жижи одну за другой уставшие ноги, спросил следовавший позади бодро шагавшего товарища высокий и крепкий хлопец.

– Устал, говоришь? Сам знаешь, поспешать надо! Каждый день дорог! А тебе, то ночью вздремнуть, то день – прикорнуть! Ты, Афоня, хушь и телом велик, духом слабоват, крепись-таки, мужайся, покуль могёшь... Уморился, через силу шагай, малость поусердствуешь, глядь, усталость сама трухнёт и прочь уйдёт, а сила в тело воротится! А коль не веришь, молись! Проси Господа-Бога дух твой укрепить да сил добавить.

– С самого стану по лесам да болотам продираемся, силов уж боле нету! Давай, Тимоша, отдохнём, искупаемся и порыбарим, подкрепимся и тада дальше пойдём. Пошто нужо`н такой надрыв душе да теляса`м? – упрасивал товарища Афанасий.

– Вот, не зря балакают, мол, Сурновский ваш род только с виду крепкий, да на вид лепкий, а духом-то, вишь, слабоват! Ну, что же, Афоня, пришла, знать, пора и тебе крепчать... А то такого слабодушного разве счастье облюбует? Ладно, не мухордись, давай, вот, под дубок ложись, отдохни, земля-матушка, да дуб-батюшка тебе силу дадут, а я пока порыбарю. Костер же посла разведём, к ночи, как искупнемся и сушиться у огня будем.

Бережно снимая с груди узкий берестяной кузовок, привязанный по двум сторонам за ушки крепкой плетёной бечёвкой, Тимофей приоткрыл крышку и заглянул внутрь. На дне лежала та самая важная бумага – рекомендательное письмо Татищева к командиру батальона преображенцев, размещавшегося на реке Яузе, близ Москвы. Мо`лодец, довольно и глубоко вздохнув, прикрыл крышку кузовка и мечтательно посмотрел вдаль. Необыкновенно привлекательным было его загорелое лицо. Открытый взгляд больших голубых глаз казался задумчивым и сосредоточенным. Редкая рыжая борода и усы, покрывшие лицо за дни пути, делали его похожим на сказочного русского богатыря. Испытания трудной дорогой наложили свой отпечаток и на его чистое и приятное лицо. Тени под глазами выдавали усталость и волнение. Волнистые русые волосы влажными локонами прилипли ко лбу... Но несмотря на все трудности, он чувствовал себя уверенно и спокойно.

– В конец ноги отмадели! – сказал его товарищ Афанасий, шевеля грязными и отсочавшими за долгую ходьбу по болотной жиже большими пальцами. – Вот ишо, кровопивец присосалси! – Отлепив мелкую пиявку от щиколотки, он брезгливо швырнул её в мутную болотную жижу и, подложив под голову свою холщовую котомку, вскоре гулко захрапел от усталости. Пока Афоне было не до еды и не до купания, глубокий сон навалился на парня, принося облегчение и долгожданный отдых телу. А вот Тимофею было почему-то не до дрёмы. И он, как обещал другу, принялся мастерить удочку...

Их закадычный дружок Степка Скалкин, рослый и крепкий парень, в плечах – аршин, остался дома как единственный сын и наследник в семье. Была когда-то у Степана мечта – добраться до самого Ярославля, чтобы собственными глазами поглядеть на чудо из чудес – величественный собор Святого Иоанна Предтечи. Об этой церкви рассказывал ему отец, работавший по найму помощником каменщика при возведении пятнадцатиглавого храма⁴ необыкновенной красоты. Со всей Руси паломники шли посмотреть на величавое архитектурное сооружение и помолиться Создателю ...

⁴ Собор Святого Иоанна Предтечи уникальный памятник русской архитектуры XVII века и единственный в России пятнадцатиглавый храм. Расположен в южной части города, на правом берегу реки Которосли. Храм представляет собой четырёхстолпное сооружение, окружённое с трёх сторон одноэтажными закрытыми галереями. Строительство велось с 1671 по 1687 год. Жители Толчковой слободы, которая была богатой благодаря кожевенному промыслу, собирали пожертвования на возведение храма «всем миром». Для изготовления кирпича были открыты два завода — в Толчкове и в Коровницкой слободе.

Однако Судьба распорядилась иначе. Степану не удалось ни в преображенцы попасть, ни на чудо-храм посмотреть, а предстояла ему обычная крестьянская жизнь. Часто потом, спустя годы, вспоминал он то раннее утро, когда ушли его товарищи своим ходом, напрямки в Преображенское. С душевной грустью проводил тогда Степан друзей в дальний путь, положив каждому в котомку по три сушёных воблы да по пригоршне мелких карасей для погрызу в дальней дороге. «На рожон не лезьте!» – дал на прощание он добрый совет Тимофею и Афанасию, зная их норы и готовность постоять за себя. Не зря постарался дядька Кондрат, обучая парней воинскому искусству...

– Будь счастлив, брат! – хлопнув друга по крепкому плечу, сказал Тимофей, заводила и признанный товарищами вожак. – Господь Бог всё за нас решает. Видать, тебе, Стёпа, на роду написано – хлеб растить, детишек стругать, вашу крепкую скалкинскую породу продолжать да нашу Димитровскую землю обихаживать. Оставайся, друг, с богом, а мы с Афонею пойдём...

– Храни, Христос!.. – отвечал Степан, крепко обнимая товарищей. – Бог даст, свидимся!

Так и простились друзья. Расцеловались на прощание трижды по русскому обычаю, и пошли своей дорогой...

Тимофей, как и положено, пошёл впереди, а следом за ним по-медвежьи увалистой походкой шагал Афанасий, отличавшийся от своих товарищей крупными чертами лица, вздернутым, широким носом-картофелиной да чёрными, как непослушными белыми, как снег волосами. Хотя он и был с виду нелюдимым и суровым, друзья с детства знали, какое у Афони на редкость доброе и отзывчивое сердце.

Ушли товарищи, а Степка Скалкин долго ещё стоял за околицей, облокотившись на берёзовую слегу, перекрывавшую дорогу на границе села. Пройдёт совсем немного времени, притупится грусть, и однажды поймёт Степан, что счастье его рядом ходит.

Случится это уже вскоре, когда увидит он свою суженую, с которой вырос вместе, в момент предсвадебного сговора. Тогда-то взглянул Степан на подружку детства, совсем другими глазами...

Повзрослевшая и заметно похорошевшая подружка детства, рукодельница Марьюшка статью девичьей сразила молодого богатыря! Как только подняли сваха с кумой накрывную шаль с кокошника да открыли лицо девушки, взглянула она прямо и скромно на Стёпушку своими карими, чуть раскосыми глазами... Никогда раньше он не видел её такой красивой!

Пробежала дрожь по спине жениха, и понял он тот час, что пропал! Вот перед ним – омут речной, из которого не выплыть и не выбраться вовек! С того дня не покидали мысли буйную головушку Степана о красавице Марьюшке.

Как только завершилась летняя пора, собран был в полях весь урожай, стали родители всерьёз думать о предстоящей свадьбе сына. Основательное отцовское хозяйство готовилось прирасти молодой семьёй, укреплялся род Скалкиных, в котором известными на всю округу были умелые каменщики и печники, мельники и пчеловоды. За лето к отцовскому дому артелю из деревенских мастеров была пристроена большая изба с русской печкой.

Постарались на славу и отец вместе с дядькой Кондратом, и денег не пожалели. Гладко обмазанная глиной и густо побелённая известью, печка у них получилась особенной, как ни у кого в селе, и выглядела осанисто и важно: по краям – узор из тёсаного кирпича, а сверху – замысловатый орнамент из небольших пилястр и обманных арок, будто несущих своды двух небольших закомар.

Дубовая кровать с периной и пышными подушками, покрытая вышитым покрывалом и нарядными накидками, стол и лавки, место для лампадки и образов Спасителя и Божией Матери в переднем углу... Всё в той избе, включая домашнюю утварь и даже занавески на окнах, было нарядным и добротным. Отстроенный дом ждал молодых хозяев...

Заходя каждый вечер в свою новую избу, Степан, волнуясь, осматривал всё хозяйство, припасённое его доброй матушкой и заботливым батюшкой.

Родители расстарались для единственного сына, как нельзя лучше! Вот и полка на стену прибита-приколочена, а на полке – крынки да миски стоят, горшочки да чарочки особой ручной работы, расписанные на заказ цветными узорами.

А в углу у печи – сковородник рогатый да ухват с кочергой. Всё новенькое, черенки, набело, до блеска зашлифованы. А внизу – таганы на кривых ножках своего часа дожидаются, чтобы в печь полезать и в свои объятия чугуны со щами да кашей принимать...

«Эх, жаль, товарищи мои служить ушли и не доведётся им на нашей свадьбе повеселиться» – тужил в такие минуты Степан...

Тишина в лесу в предзакатный час, словно и не было полуденной духоты. Птицы и те притихли, ни дятел не стучит, ни сорока не трещит...

Покой и благодать! Редкий раз из волны выскочит вдруг игривая рыбёшка, сверкнёт в алых лучах заката чешуёй серебряной, как кинжал дамасский, и обратно в свою стихию – бульк... Лишь круги от малого до большого по воде пойдут и затем мелкой рябью расплзутся по невозмутимой глади лесного озера...

– Афоня, слышь, вставай! – расталкивая своего спящего богатырским сном спутника, позвал Тимофей. – Проснись, ну, пошто ты разоспался так? Я уж вот и рыбёшку поймал и, ущицу сварганил. Вставай, братушка, доставай сухари, трапезничать будем. – Тимофей, ловко сняв котелок с палки-перекладины, осторожно поставил его в горячую золу на мелкие угли.

– Ой, никак харч поспел? – по-детски растерев большими руками остатки сна по отёкшему лицу, довольно сказал Афанасий, вставая в полный исполинский рост и весело скачками направляясь в кусты.

– А я, слышь, Тимоша, во сне ажно шас уху ел! – донёсся из кустов радостный его голос.

– Да што ты?!

– Ага!

– Что ж это такое ты набредил? – спросил Тимофей.

– Так я и говорю, ущицу ел...

– А! А я-то уж подумал, ты какую-то невидаль набредил, раз так шибко удивился ...

– Не! Брюхо, вишь, на запах ущицы отозваться сподобилось ...

– Ну это я понял, уж больно ты чавкал и чмокал шибко, чуть было мне всю рыбу не распугал. Ну, думаю, надо товарища подкормить, а то, не ровен час, от голодухи отгрызет мне обе ухи! – ответил шутливо Тимоха.

– Ну, давай, чаво тут у нас? Какая рыбёха к нам приплыла? – вытирая руки об рубаху, спросил Афоня, глядя на товарища доверчивыми маленькими глазами, припухшими ото сна и казавшимися меньше обычного. Спросонья он ещё больше напоминал большого и доброго медведя.

– Сладка щучка-невеличка да карасиков пяток, я пшенца добавил да дикого лучка покрошил для пущего аппетита, наваристая вышла ущица! Садись... Вот держи... – Тимофей, улыбнувшись своему товарищу, протянул ему свежевystруганную ложку.

– Благодарствую, друже! – с нескрываемой радостью поглядев на источавшую тонкий аромат ивы незатейливую вещицу, Афанасий зачем-то сразу облизал её и охотно подсел к котелку поближе.

Молодые, рослые и крепкие молодцы Тимофей и Афанасий, отведав «чаво Бог послал», сытые и довольные повалились под раскидистым дубом навзничь, закинув руки за головы...

– Хорошо! – сказал Афанасий. – умеешь ты, Тимоша уху варганить! Я вкусней ни в жизнь не хлябал! Ажно употел весь!

– Было бы из чего, а сварить мы могём! Вспотел, говоришь? Как уж бывало покойный тятка твой, ни к ночи его помянуть, говаривал: «Работай – мёрзни, ешь – потей». Пойдём-ка,

Афоня, купаться, вода нынче в озере в самый раз прогрелась. А то и меня ко сну после еды потянуло, но рановато пока. Вот, постираемся, просушимся у огонька, за ночь выспимся, а завтра, я так кумекаю, к столице и выйдем. Вот бы нам, как попрямее, к Преображенскому дорогу найти.

– На словах-то всё скоро да споро, а вот на деле – ажно дух вон! Сколь уж вёрст отмахали! – уныло сказал Афоня.

– Ну-ну! Не дрейфь, друже! Нам ли дороги бояться? Дойдём...

– Дык, коли б дорога была, а то всё – мелкая осина да топкая трясина!

– Ничего! Доберёмся. Там, сказывали, красота! Одним словом – рай! Как раз там, в Преображенском-то войско царское и стоит, все служивые, как на подбор, рослые, не хуже нас с тобой, красавцы-удальцы! Вот куда идём мы с тобой, друг мой, Афоня! Судьба наша там! Прийдём мы с тобой туда и скажем: – «Христос вам в помощь! А вот и мы вам на помощь! Поглядите на нас, или мы вам не под стать? А ни дать, ни взять русские богатыри! Бери нас, дядя воевода, на царскую службу во фронт истуканом стоять, алебардами да фузеями людишек пужать! А уж мы расстараемся, никакая мыша мимо нас не проскочит!» Так и скажем, ага!..

– А он чаво в ответ? – мечтая, увлечённо спросил Афанасий, слушая товарища с довольной физиономией, чуть разинув рот.

– А он и молвит: «Да чего же вы так долго шли-то? Где так долго шатались? Мать-царицу Катерину да Петровску дочку Лисавету охранять надоть, а вас нетути!»

– Ой, прямо так? – присев и облокотившись на левую руку, спросил товарищ, – тада, Тимоха, давай и, правда, скорей мыться, да стираться...

Через некоторое время друзья, развесив на просушку мокрую одежду по ближним кустам, добавили сухого хвороста в огонь, вскипятили в котелке чай с лесными ягодами и продолжили приятный свой разговор...

– А помнишь, Афоня? Вон, тогда, летом, когда мы дитёнками ещё в пристеночек-то играли, когда тебя бык мирской чуть не закатал, помнишь?

– Ну! – откликнулся Афанасий.

– Вот те и «ну», тогда царские люди к барину наведались, рослых да статных молодцов в войско к самому царю Петру отбирали. А до того дядьёв моих, Савву да Никодима, на армейскую службу забрали ... Никодим-то тот и вовсе, как и Стёпкин дядька Кондрат, со шведом повоевать успел. Да, после ранения в новой столице, Санкт-Петербурге так и остался. А я, чем хуже него? Так что, брат, коли дал Бог стать да смекалку, ищи счастье-долюшку, не дрейфь! А доля она не завсегда рядом сидит и косы плетёт, она, вишь ли, смелого да удалого сама в путь зовёт, – снова подкинув в костёр хвороста, сказал Тимофей.

– А коли нас вовсе и не возьмут в служивые? Прикажут за лошадьми смотреть, навоз чистить? – взволнованно спросил Афанасий и даже присел, внимательно глядя на друга.

– Как не взять? У нас зря что ли документ от самого Татищева имеется?! А он не какой-нибудь барин-ходатай, он близкий к самому царю Петру военный был, да и сродник ему к тому же... Хоть и помер царь-батюшка, царствия ему небесного! Да императрица – Катерина имеется. Ещё как возьмут! Ты вон каков, как дуб молодой, крепко́й, ну и я не хуже тебя! Покрасивши только, малость!

– Ой, ли! Кабы покрасивши, от девок бы отбою ни было, – рассмеялся Афоня.

– А и не было отбою! Скажу тебе как на духу, я не на каждую девку охочь! Я себя блюду! Да и пошто они мне, девки-то? Мерзость от них, которые сами-то прилипают, а которые мне к душе, те баловаться не дают, с ними токмо под венец! А под венец, Афоня, мне покамест не можно, я пока сам – неразумный юнец, какой мне венец?!

– Ох, и говорун же ты, Тимоха! Любо мне твои байки слухать! Вот вслед за тобой с малолетства хожу, как верный пёс, а всё от чаво? А от того, что друг ты мой – надёжа, у меня другого нету!

– Вот и ладно! Без друзей жить тяжко. А уж раз мы на службу идём, так без верного друга там и вовсе не моги! Я посплю малость, а ты, Афоня, покарауль покамест. В лесу без дозора нельзя. Вдруг зверь, какой хищный, подойдёт на огонь, али тать на нас наткнётся, – укладываясь лицом к костру, предложил товарищу Тимофей.

– Спи, друг, я посторожу, – согласился отдохнувший и выспавшийся Афанасий и, подкинув в костер охапку хвороста, положил сверху свежую сосновую лапу.

Терпкий запах хвои и дыма окутал окрестность... Что лучше покоя ночного леса?!

Неподалёку за болотом, сквозь густую и прохладную тишину раздался вдруг истошный хохот лисиц, да на опушке неожиданно согласился с кем-то мудрый филин. Совсем рядом вдруг послышался треск сухих веток под мощными копытами сохатого, прошагавшего стороной по лесной тропе с достоинством великана.

Тишина и умиротворение царили вокруг. Земля, прогретая за день солнечными лучами, щедро делилась теплом с каждым, кто стал в этот час пленником ночных грёз...

Долго путь к счастью да славе, а к несчастью – всего один шаг. Угораздило же друзей-товарищей в дороге, как раз около того самого, заветного московского села Преображенское, нарваться на конных всадников, охранявших полковую заимку в лесу!..

Ещё кузовок с провизией и котомки с вещами позабирали, а там, промежду прочим, были аккуратно завернутые в чистое полотенце – заветный альбом для рисования и коробочка с грифельными карандашами, подаренные на добрую память барыней Катериной Ивановной Плещеевой. Альбом с портретами односельчан и родных из Залесья. Всё это вызвало у одного из преображенцев особенное подозрение: а не лазутчиков ли они задержали в недавнем дозоре?!

«Ну, мы ещё поглядим! Ишь, зарестовали! Ну-ну!» – ворчал Тимоха, лёжа на соломе, собранной в углу на земляном полу в сарае.

Сюда их с товарищем Афонькой без лишних разговоров отвели служивые из дозора. Все молодцы-удальцы, в военной форме зелёного цвета с красными обшлагами и красных чулках. И посадили под замок! Друзья и подумать не могли о таком странном исходе дела...

– Кто такие? Куда путь держите? – сердито спросил один из удалых конников, уверенной рукой сдерживая разгорячённого гнедого жеребца.

«Этот, никак, старшо́й», – смекнул Тимофей и с легким поклоном, как учил дядька Кондрат Скалкин, обратился к сержанту.

– Здрав будь, ваше благородие! Мы-то, кто? – переспросил он всадника, – мы, стало быть, Тимошка да Афонька, вишь, из родного сельца Залесья Дмитровского уезда на службу к Царице-матушке Катерине пришли.

– А она, что же, или звала вас? – насмешливо спросил военный, лукаво взглянув на своего напарника. – Может, посылала за вами?

– Не, не звала, мы сами... – дурашливо склонив голову набок и прищурившись от яркого солнца, ответил Тимофей.

– Оно и понятно! Кто ж таких оборванцев позовёт?

– Дык, коли б ты сам пешим ходом поболее полста вёрст лесами да болотами отмахал, думаешь, ты бы, как с иголочки, к людя́м вышел? Чай, не ангел с небес, а живой человек! – сказал Тимофей, уверенно и спокойно глядя на старшего из гвардейцев.

– Ооо! Так вы ещё и беглые, небось? – строго спросил другой гвардеец.

– Никакие мы не беглые! Ты что, дядя?! У нас, вот, в кузовке документ к вашему самому главному преображенцу имеется. Сам сродник царя Петра, Василий Татищев собственной рукой написать ему изволили! – поняв, что дело приобретает опасный оборот, воскликнул Тимофей.

– Да, что ты?! А ну, подай сюда! – приказал гвардеец.

– А как бы не так! Нам велено эту грамотку самому командиру Преображенского батальона в руки подать, стало быть, их благородию майору, а не тебе, дядя! Ты уж не обессуди! Таков был наказ! – Тимофей стоял на своём.

– Вон оно что! Ну, ребята, пошли вперёд, там разберутся, кто вы да на кой ляд суды явились, не запылились. Да, гляди у меня! Не моги в дороге промеж собой болтать! А коли убечь кто вздумает, то не пеняй, пуля догонит! – прикрикнул гвардеец на оборванцев и указал направление, куда им следовало направляться.

Вскоре показалось и Преображенское... Вовсе не так представлял Тимофей эти места, когда слушал рассказы дядьки Кондрата Скалкина. В воображении молодого крестьянского парня Преображенское казалось сказочным местом с высокими богатыми хоромами с резными наличниками на больших окнах, и золотыми петушками на каждой крыше, с пышно цветущими садами, а то и с диковинными плодами... И обязательно с лодками в виде белых лебедей, безмятежно качающимися на речных волнах... А в лодках тех непременно сидели бы за вёслами красавцы гвардейцы с пышными усами и фузеями через плечо. А рядом на резных скамейках – разнаряженные и челом приятные барышни – царицыны подружки и служки... Все в белых нарядах или наоборот, в красных... Так представлялось, не иначе!

А тут деревня, как деревня! Никакой тебе царской важности... Вон, навоз возле конюшни гуртом лежит, на солнце прееет, а чуть поодаль – кузня, ни дать, ни взять, как в Залесье, только побольше раза в три. «Может, тут не Преображенское вовсе, а другая местность какая? Примечать надо, куда нас ведут!» – думал Тимофей, внимательно посматривая по сторонам.

Вдалеке на холме он увидел сказочной красоты высокий многоярусный деревянный дворец со множеством теремов, кокошников, башен и резных окон... Дядька Кондратий, однако не соврал, когда рассказывал, что в селе Коломенском отец Петра Великого – царь Алексей Михайлов сын⁵ богатый выстроил дворец для молодой жены, любившей жить среди рощ и садов.

«Похоже, что это тот самый и есть... – предположил Тимоха. – А вон неподалёку ещё один – поменьше, и тоже деревянный» ...

Сюда как раз и доставили гвардейцы под конвоем Тимофея и Афанасия. Чуть позже они узнают, что это и был охотничий царский дворец Алексея Михайловича – отца молодого русского царевича Петра. Когда-то его построили по его указу, потому как уж очень он любил соколиную охоту.

Как раз в этих местах по обоим берегам Яузы были царские охотничьи угодья – Оленья и Соколиная рощи. Дворец тот называли «Преображенский» потому как в центре усадьбы была деревянная церковь Спаса Преображения. Как и в те далёкие годы, тут повсюду росли сирень и жасмин, акация и малина, яблони и черёмуха...

Красота кругом и благолепие! Всё, как когда-то в детстве представлялось Тимофею. Лодки тут тоже были. Правда, в рукотворных прудах, в которых плавали юркие дикие утки и задумчивые гордые лебеди.

«Вот как быстро всё меняется! Совсем будто недавно в этих местах сам юный царь Пётр пешком ходил, своих ретивых молодцов в Потешный городок строем водил. Туда нас с Афонькой ведут, не иначе! На тот берег от дворца, где, видать, Слобода солдатская. Вон и конюшни, и дома, а вон сарай или, как уж их? ... А, вспомнил, казармы, должно быть. Ну, да! Тут, стало быть, и проживали все служивые Преображенского полка. Дядька Кондрат сказывал, будто в соседнем селе Семёновском ещё один полк раньше был. Ну, поглядим, где тут и чего. Пока мало служивых-то видать. Знать, прав был наш Кондрат Егорыч, хоть место и известное полковое, а числом не велико, прошли славные времена петровские! А вдруг и впрямь скажут, что

⁵ Алексей Михайлович Романов (Тишайший), второй русский царь из династии Романовых. Правил с 1645 по 1676 год.

мы им не ко двору? Ох, хоть бы взяли нас на службу с Афонькой! А мы бы уж расстарались, ей богу!» – так думал Тимофей, изо всех сил сдерживая душевное волнение...

Много воды утекло с тех пор! Построена была на севере новая русская столица – город Петра, создан и укреплен флот, организована сильная победоносная регулярная армия.

Остались в прошлом многие героические подвиги во славу огромной Российской империи, растянувшейся от Балтики до Чёрного моря. Государство при Петре Великом приросло новыми землями. После успешного Персидского похода⁶ Русской армии и флота к берегам Каспийского моря и в земли Закавказья, к России были присоединены Аварское, Казикумухское, Дербентское ханства и Тарковское Шамхальство.

Разгромлен был крымский хан Адиль Герей и к России присоединены были земли Тарковского Шамхала⁷.

Завершилась и долгая Северная война со шведами, после которой Россия получила выход к Финскому заливу и Балтийскому морю, а Швеция навеки утратила статус ведущей европейской морской державы.

И во всех этих сражениях своей доблестью и стойкостью отличились любимые гвардейцы Петра I Алексеевича, пожелавшего держать верные и проверенные в боях войска при себе в своей новой северной столице.

Поэтому несколько лет назад ушли из Москвы основные регулярные части Преображенского и Семёновского полков на новые петербургские квартиры. А в подмосковном Преображенском остались целевые роты Московского Лейб-гвардии Преображенского батальона, включая учебный отряд для молодых призывников, в котором готовили фузилёров и будущих гренадёров.

Здесь размещались подразделение рекрутеров⁸ и небольшой отряд для исполнения высочайших поручений Государыни Императрицы, в том числе и для сопровождения к местам ссылки бывших высокопоставленных персон-«колодников», осуждённых за взятки и нарушения закона.

Тут же находилась секретная служба по доставке особо важных документов и средств из царской казны по назначению в разные города и веси бескрайнего государства Российского.

Короче говоря, мечтая о воинских подвигах, доблести и славе, прибыли друзья-товарищи из Дмитровского уезда не совсем туда, куда следовало, а, точнее, куда им бы хотелось, а в особый батальон Преображенского полка,

временно закреплённый за Тайной канцелярией⁹, строго следившей за исполнением Слова и Дела Петра Первого.

Главная контора этого серьёзного учреждения находилась уже давно в Санкт-Петербурге, где работала под руководством самого графа Петра Толстого и генерал-майора Андрея Уша-

⁶ Персидский поход Русской Армии Петра Великого – военная кампания (1722-1723) против Ирана в юго-восточном Закавказье и Дагестане.

⁷ Тарковское Шамхальство – кумыкское феодальное государство, существующее на территории современного Дагестана и прилегающих областей с XIV века по 1867 год. Располагалось на пересечении морской трассы из Дербента в Астрахань и Великого шёлкового пути. Воевало с Персидской и Российской империями. Правители-шамхалы долгое время носили титул «Валиев Дагестана». В 1776 году правитель Тарковского Шамхальства принял российское подданство.

⁸ Рекрутер – специалист по подбору персонала, как командного и рядового состава в армии, так и на гражданской службе. Его основная задача найти и привлечь сотрудников, либо офицеров или рядовых, соответствующих по физическим данным и профессиональным качествам требованиям высшего военного командования, либо гражданского работодателя.

⁹ В 1717 году Тайная канцелярия была переведена в Петербург, её руководство, как и первоначально Преображенский приказ, доверили графу [П. А. Толстому](#), прослужившему в этой должности до 1726 года, затем являлся членом Верховного Тайного Совета. В апреле 1727 года П.А. Толстой вместе с сыном Иваном были арестованы из-за разногласий с Меншиковым, а сам бывший шеф Тайной канцелярии сослан в Соловецкий монастырь, где и умер в возрасте 82 лет. Канцелярия тайных и розыскных дел возобновила деятельность в 1731 году при императрице Анне Иоанновне и работала при императрице Елизавете Петровне. Генерал-аншеф Андрей Иванович Ушаков являлся начальником Тайной розыскной канцелярии с 1731 по 1746 год.

кова, но вскоре была упразднена, так как в столице своим Указом самодержица Екатерина I учредила Верховный Тайный Совет...

Однако в подмосковном Преображенском при Матушке Екатерине I грозное ведомство свои функции сохранило, вновь вернувшись к названию «Преображенский приказ».

Нынешний подмосковный Преображенский батальон¹⁰, которым командовал отставник-инвалид Михайло Андреев Буженинов, продолживший по милости покойного Государя Петра Великого службу в гвардии для пользы царскому Престолу, не утратил, а даже расширил свои функции.

В эти самые дни, когда добровольцы-рекруты из Залесья прибыли в распоряжение секретного подразделения Преображенского полка, ведомственная неразбериха только закрутилась...

Наступило утро. Солнечные лучи то тут, то там огненными стрелами пробивались сквозь дырявую соломенную крышу сарая, где находились Тимофей и Афоня.

Они давно проснулись по крестьянской привычке вставать спозаранку, с первыми петухами. На душе у обоих нарастало беспокойство: «а ну, как возьмут, да и расстреляют их эти грозные преображенцы? Понятное дело, что ни за что, ни про что. Однако назвали же и лазутчиками, и беглыми. А вдруг не поверят и не пожелают разобраться и сразу – к стенке! Спаси, Христос! И тогда, прощай жизнь, прощайте мечты и надежды!» ...

Когда снаружи раздался топот копыт, а затем послышались тяжелые шаги преображенского гвардейца, вскоре скрипнул металлический открывающийся засов, залесские парни и вовсе перепугались, но виду не подали, услышав короткую сухую команду: «На выход!»

– Не бойся, Афоня! Бог не выдаст, свинья не съест... – приободрил товарища Тимоха. – Держись меня, не робей! Будем проситься к ихнему самому главному, ещё и попеем, как скверно новобранцев встречают.

Так и вышло. Конвоир, шествуя позади молодцов с фузейным ружьем наперевес, молча вёл их вдоль нескольких дворов по деревенской улочке, мимо осанистой деревянной Спасо-Преображенской церкви – войскового храма первого полка русской гвардии.

Вскоре они подошли к штабной избе, выделявшейся среди других домов затейливым крыльцом с резными деревянными медвежьими фигурами, установленными вместо столбов у основания крыльца, да узкими окнами с замысловатыми фигурными наличниками и распахнутыми настежь белыми ставнями. Над двускатной крышей дома на ветру развевался штандарт Московского батальона Лейб-гвардии Преображенского полка.

В это самое время на колокольне храма громко зазвонили колокола. «То ж добрый знак!» – только и успел подумать Тимофей, как резко распахнулась дверь, и на крыльцо, слегка прихрамывая, вышел суровый, богатырского роста обер-офицер с обезображенным шрамом лицом через всю правую щёку.

– Ваше благородие! По вашему приказанию задержанные доставлены! – отрапортовал конвоир, вытянувшись во фронт перед батальонным командиром, гвардии майором¹¹ Бужениновым, героем первого и второго Нарвского сражений и Полтавской битвы.

¹⁰ 11 ноября 1725 года на базе роты отставников, пожелавших продолжать службу, был образован Московский Лейб-гвардии батальон Преображенского полка, созданный выполнять особые поручения Государыни-императрицы Екатерины I.

¹¹ По Табелю о рангах, принятому Петром I в январе 1722 года, но дополненном 24 января 1726 года штаб- и обер-офицерам Лейб-гвардии Преображенского полка было Высочайше пожаловано старшинство на два чина выше против армейских. Батальонами преображенцев стали командовать обер-офицеры в чине майора, приравненного в гвардии к армейскому чину полковника.

С прищуром и легким удивлением взглянув на рослых молодцов, на целую голову выше его самого, обер-офицер на секунду прислушался к разливающемуся по округе звону колоколов. А затем, заметно смягчившись во взоре, начал стандартный допрос.

– Ну... Сказывайте, кто такие, откуда и зачем явились? – спросил он задержанных, с пристрастием глядя то на одного, то на другого, при этом внимательно перелистывая альбом с рисунками...

Одно из мужских лиц в альбоме показалось Буженинову знакомым, только он никак не смог припомнить, где и когда видел того человека... А меж тем, нарисованных портретов того самого бравого бородача было несколько. Листая альбом с конца, майор внимательно рассматривал каждый рисунок...

Вот этот человек, хоть и немолодой, а выходит из храма явно после своего венчания под руку с красивой, нарядной женщиной, примерно его возраста. По обе стороны крыльца стоят мальчишки... Ба! Да ведь двое из них – те, что сейчас задержаны... А вот он, чуть моложе, верхом на коне...

Так, страница за страницей, командир Московского батальона Лейб-гвардии Преображенского полка добрался до рисунка, где отставной вахмистр в кавалерийской епанче, вернувшись домой, беседует с двумя стариками... Кого же майору напомнил этот старый вояка?

«Любопытнейшие персоны, однако, – подумал Буженинов, отчего-то вспомнив, как тридцать лет назад вот таким же хлопцем, он – здоровый и сильный, попал в гвардию. Только ему вместе с братьями Степаном и Моисеем посчастливилось родиться в здешнем селе, в семье церковного служки. А как выросли, попали в Потешное войско к молодому Петру.

Был Мишка Буженинов сначала потешным конюхом у юного Петра Алексеевича. Затем три брата оказались в число первых рядовых солдат Преображенского полка. С малых лет все трое росли, находясь подле Государя, особенно Михаил. Так что, когда он попросился в бомбардирскую роту к «капитану Петру Михайлову», как повелел себя называть тогда государь, тот был этому рад и доволен.

Со временем братья обзавелись семьями. А Пётр Алексеевич за верную службу ссудил верных гвардейцев деньгами и облагодетельствовал подарками. Так что братья Бужениновы сумели выстроить себе добротные избы в Преображенском. А когда Царь-батюшка приезжал в их родное село, то особенно любил после весёлого застолья заночевать у Михаила в гостях. Ценил царь и великий князь всея Руси его тягу к наукам и вскоре отправил в числе волонтеров первого десятка на учебу в Европу. А затем и сам в составе Великого посольства отправился в Кёнигсберг, где все вместе они обучались артиллерийскому делу.

Позже приехали в Берлин, где проходило обучение немецкому языку и математическим наукам... При первом штурме Нарвской крепости сержант Преображенского полка Михайло Буженинов был одним из шести младших офицеров в Бомбардирской роте, отвечавших за доставку новых мортир, пороха и снарядов.

Время летело быстро. Брат Михаила Степан Буженинов подружился с Александром Меншиковым и сумел под его началом дослужиться до подполковника и коменданта Шлиссельбургской крепости...

Михаил Андреевич часто вспоминал свои молодые годы и сравнивал пережитое с происходящим. Пришёл на память и недавний разговор с братом про то, как сразу после смерти Петра Великого первую жену его Евдокию Лопухину тайно отвезли и поместили как раз в те самые Шлиссельбургские казематы под именем старицы Елены...

Конечно, всем, чем гордился и дорожил майор Буженинов, он обязан был покойному Государю, включая и эту должность, и высокий чин, которыми его пожаловал лично Пётр Алексеевич.

...Прервав поток воспоминаний, обер-офицер вновь взглянул на этих двух рослых парней. Один из них был курносый, широколицый и скуластый с копной высвеченных солнцем до цвета высушенной соломы волос, а телом, в сравнении со вторым, чуть шире, да и ростом пониже...

А второй, лицом пригляднее и чище, поджарый и ловкий в движениях, всё порывался что-то сообщить командиру преображенцев. «Ну-с, послушаем сначала тебя, паря», – решил Буженинов, кивком дав понять Тимофею, чтоб он отвечал первым...

– А вот, ваше благородие, у нас грамотка имеется от барина Татищева Василия, сына Никитина!

Тимофей спокойно и с достоинством достал из своего пришитого вовнутрь рубахи потаённого кармана заветный документ и с уважением протянул его важному и суровому майору.

Буженинов, удивившись, молча вскрыл конверт и внимательно прочитал письмо. Затем посмотрел на этих рослых красавцев, ухмыльнулся и велел рассказать всё: как они шли и как это так сумели найти самый короткий путь.

...Долгим был допрос. Тимофей с Афанасием, хоть и волновались, но держались храбро и отвечали уверенно и охотно, что с детства с отцами и деревенскими мужиками на охоту ходили, лес знают, следы лесных зверей «читают», потому и не представляют, как бы они заблудиться смогли.

– В лесу дорогу не ищут, её самим прокладывать следоват... – уверенно и спокойно сказал Тимофей.

– Что же, значит, служить пришли? В Димитрове, выходит, вам не к душе служба? В Преображенское попросились. Ну-ну! У нас тут не рай, не каждому служба даётся. А имеется ли у вас к тому сноровка? – спросил вдруг офицер.

– А то! – с похвальбой ответил Тимофей. Мы не лыком шиты! У нас в Залесье сам Кондратий Егорыч Скалкин – герой Полтавы нас с малолетства браному делу обучал. А он важный был воин! Сам Царь Пётр его при всём войске троекрат лобызал да за службу хвалил. Он нас много чему обучил... Вот, дай-ко покажу!

Теперь Буженинов точно вспомнил, что узнал в нарисованном мужике легендарного Кондратия Скалкина, с которым они воевали бок о бок... под знамёнами Петра Великого. А Тимоха тем временем уже успел молниеносно схватить стоявшую в углу метлу и заорал во всё горло дурным командным голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.